

DOI: 10.15643/libartrus-2017.5.10

Финно-угорский субстрат в башкирской топонимии

© Г. Х. Бухарова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450000 г. Уфа,
улица Октябрьской революции, 3а.

Email: buharova_g@mail.ru

Согласно утвердившемуся мнению, самый древний пласт в башкирской топонимии составляют названия индоиранского происхождения, а затем – финно-угорские. В статье исследуется финно-угорский субстрат в башкирской топонимии. Путем выявления лексических параллелей в башкирском и финно-угорских языках делается попытка интерпретации происхождения географических названий, не поддающихся объяснению на материале башкирского и других тюркских языков. Как показывают материалы анализа, географические термины субстратного происхождения играют большую роль в формировании топонимической системы региона, они активно участвуют в образовании топонимов. Интересно отметить, что финно-угорские географические термины, участвующие в образовании топонимов, имеются в диалектах башкирского языка и в настоящее время активно употребляются в речи диалектоносителей. В башкирской топонимии сохранилась архаическая лексика, уходящая корнями в глубину веков, и подтверждающая древние этнические связи башкир с финно-угорскими народами. Некоторые башкирские этнонимы, участвующие в образовании топонимов, объяснимы на примере финно-угорских языков. Это свидетельствует о том, что субстрат не только языковое, но и этническое явление. Географические названия, восходящие к финно-угорским языкам, характеризуют прежде всего растительность, (например, названия рябины, ели, сосны и др.), а также особенности водной сети (названия низменных мест, болот) и горного ландшафта Башкортостана (названия гор и холмов). В башкирской топонимии нами зафиксированы также географические названия, связанные с верованиями финно-угров. Объяснение приведенных в статье топонимов на примере лексики финно-угорских языков предпринято впервые.

Ключевые слова: топонимика, башкирская топонимия, финно-угорский субстрат, этимология, этнолингвистическая реконструкция.

Впервые в башкирском языкознании на явление финно-угорского субстрата обратил внимание выдающийся башкирский языковед Дж. Г. Киекбаев. Он указал прежде всего на общие этнонимы башкир и венгров (дьярмат, йэне, кэси). Происхождение слова кальчир в составе этнонима кальир-табынцев ученый объяснил на почве общеугорского кал «рыба», кал + чи «рыбак», калчир «рыбаки» (р – показатель множественного числа). По мнению Дж. Г. Киекбаева, название башкирского села Каварды имеет этимологическую связь с древневенгерским этнонимом *кавар*. Этноним салйугут (башк. һалйот) ученый объяснил как «оленеvod», связывая с мансийским словом сали «олень», сали + иг «два оленя», сали + т «олени». Аллоэтноним башкир иштэк//истэк ученый возводил к этнониму *остяк* [1, с. 113–139]. В дальнейшем башкирские языковеды Н. Х. Ишбулатов, А. А. Камалов и Ф. Г. Хисамитдинова, Т. М. Гарипов выявили географические названия, связанные с финно-угорскими языками [2–6].

Названия с топоформантами *без//биз, бигэш, ва, варяш//вэрэш, вас, вашаш, егэн, изэш, кэл, кәтеүш, кондорош, мағаш, мар, мэйгэш, нөр, нарыш, нарыс, тор, тәй, шакша, ыйык, ык, әри, әр,*

эпек авторы «Словаря топонимов Республики Башкортостан» (Уфа, 2002) объясняют на материале финно-угорских языков. Они подчеркивают их близость к современным коми, мансийскому, хантыйскому и венгерскому языкам [7, с. 6].

Однако далеко не полный ряд вышеназванных топонимов можно отнести к финно-угорским языкам. Среди них имеются лексемы индоиранского и собственно тюркского происхождения: *шакша*, *ыйык*, *мэйгэш* и т.д. Так, например, происхождение топонима *Мэйгэш/Мэйгэшле* и его фонеморфологических вариантов одни исследователи связывают с финно-угорскими языками, другие объясняют на почве башкирского языка. Так, например, авторы «Словаря топонимов Республики Башкортостан», вслед за венгерским ученым Л. Рашоньи, считают возможным образование топонима от венгерского *мағаш* «высота, гора» с аффикс. -ле [7, с. 153]. Многие исследователи топонимии Башкортостана топонимы с *мағаш* и *мэйгэш/мэйгэште* считают словом угорского (венгерского) и связывают с венгерским «высокий» [8–10].

Н. Х. Ишбулатов утверждает, что «географическое название *Мэйгэш* не объяснимо на почве башкирского языка». Он сравнивает его с сибирским гидронимом Майга, а элемент -аш, по его мнению, «обладательный аффикс, соответствующий башкирскому аффиксу -лы» [11, с. 313–316]. По нашему мнению, сибирский гидроним Майга, возможно, образован от русского диалектного слова *майга* и не имеет связи с башкирским *мэйгэш/мэйгэшле*. В русских диалектах Сибири это слово употребляется в значении «рыба ленок» (вид форели) [12, с. 366].

Ф. Г. Хисамитдинова, учитывая то, что элемент *мағаш* в составе топонимов Башкортостана фиксируется в основном в составе оронимов, предполагает, что *Мағаш*, *Мағашты* и другие представляют собой эллиптические названия-прилагательные, утратившие термины, обозначающие горы [4, с. 107].

А. А. Камалов ороним *Мағаш* связывает с башкирским словом *бейек* «вышина»: *Мағаш* (< мағ//мэйг//бейк//бейек «вышина» + -аш), *мағашты* (< мағ//мэйг//бейк//бейек «вышина» + -аш + -ты), *Мэйгэш* (< мэйг//бейек «вышина» + -эш), *Мэйгэшле* (мэйг//бейек «вышина» + -эш + -ле), *Мэйгэште* (тоже) [13, с. 211].

Названия с основой *мағаш* широко распространены на северо-востоке Республики Башкортостан: *Мағаш*, *Сик Мағаш*, *Катай Мағуш*, *Кыуак Мағаш*, *Тәнэй Мағаш*, *Күбер Мағаш*, *Тубыл Мағаш*, *Нәбе Мағаш*, *Күк Мағаш* – гидронимы; *Түбәнге Сик Мағашы* яланы – название поляны.

Ареал распространения топонимов с основой *мағаш* и его фонеморфологических вариантов довольно широк. Ср.: *Мэйгэште* – гг. в Абзелиловском, Бурзянском р-нах; *Мэйгэшле һыртты* – хр. в Гафурийском р-не, *Мэйгэшле* – рч. в том же р-не, *Мэйгэшле* – рч., пр. Зигазы в Белорецком р-не, *Мэйгэште* – рр. лев. пр. Малого Кизила в Абзелиловском р-не, лев. пр. Каги в Белорецком р-не, пр. реки Агидели (Белой) в Бурзянском р-не.

По-нашему мнению, *Мэйгэш/Мэйгэшле*, диалектный вариант *Мэйгэште*, и *Мағаш* не гомогенны, а гетерогенны, т.е. разные слова. Действительно, происхождение оронима *Мағаш* можно объяснить от венгерского *tagas* «высокий» [14, с. 252]. А гидроним *Мэйгэште*, возможно, образован от *бай/май* «священный», *каш* «нефрит» (или любой другой полудрагоценный камень) и имеет обладательный аффикс – ле/-те, а значение гидронима можно толковать как «река, содержащая священный камень каш (нефрит)».

Как правило, значение слова *бай* в тюркской ономастике обычно связывается со значением «богатый». Как показывают фольклорные материалы и этнографические данные, слово *бай* в башкирском и во многих тюркских языках употребляется не только в значении «обильный», «богатый», но и «божественный», «священный», «святой», «небесный», «почитаемый».

Слова *бай*, *байан/маيان*, *байат*, выражающие понятия «бог», «божественный», «священный», «почитаемый», получили довольно широкое распространение в башкирской топонимии в различных фонетических вариантах. Например, *Маян* – оз. в Челяб., Свердлов, обл., от *байан/маيان* «божественный», *Байғазы* – д. в Бурз. р-не, возможно, от *бай* «священный» и *ғазы* (< древнетюрк. үгүз «река»), *Майғазы* – р. в Кигинск. р-не, от *бай/май* «священный» и *ғазы* «река», *Майшыла* – р. в Белокат, р-не, от *май/бай* «священный, почитаемый» и *шыла* от башк. диал. слова *шиле* «родник, ручей, вода» и т.д.

Рассмотрение слова *бай* и производных от него слов не только в топонимии, но и в этнонимии и антропонимии, также в мифологической лексике тюркских языков позволяет реконструировать утерянное в современном башкирском языке слово *бай* в значении «бог», «божественный», «святой», «священный», «почитаемый». Сопоставление данных топонимии, антропонимии и этнонимии, также нарицательной лексики показывают, что первоначально слово *бай* употреблялось в тюркских языках в значении «бог», «божество». Позднее в результате обожествления рода и почитания родовой территории, реки или горы, родового дерева, тотемного животного или птицы, затем с обожествлением личности правителя слово *бай* распространилось во всех разрядах лексики.

Словом *мэйгәшле* названы и гидронимы, и оронимы. Нет сомнений, что топонимы *Байкаш*, *Байкашты*, *Байкас*, *Мэйгәш*, *Мэйгәште*, возможно, принадлежат к одному лексико-семантическому гнезду и означают «священный нефрит». В словаре М. Кашгари в числе топонимов рассматривается *Kara kas okuz* «река черного нефрита» и *Urunq kas okuz* «река белого нефрита». По Махмуду Кашгари, на этих реках добывали нефрит [15, с. 152]. Элемент *каш* в значении «нефрит» зафиксирован в топонимии Оренбургской области: *Кашук* – пос. в Куванд. р-не образовано от *каш* в значении «нефрит» и *кух*, который восходит к иранскому слову *кух/куһ* «гора, хребет», букв. «нефритовая гора».

Нефрит, возможно, добывали не только в реках, но и на горе. Об этом свидетельствует гора *Байкас*, которая находится в Зилаирском районе. Возможно, ороним образован от слов *бай* «священный» и *кас* «нефрит», который, восходит к слову *каш*. Ср.: *Байкаш* – д. в Мишк. р-не.

В фонетическом плане соответствия *ш ~ с*, *б ~ м* являются закономерными. Исходя из изложенного материала, можно предположить, что башкирские топонимы с *байкаш//байкас//майғаш//мэйгәш//мэйгәшле* связаны с религиозно-мифологическими представлениями башкир и означают «священный нефрит». В пользу этого свидетельствуют и фольклорные произведения башкир. Известно, что нефрит воспевался в легендах и сказаниях народов Востока. В Китае его дарили в знак уважения, любви и благопожеланий. Считалось, что этот минерал приносит счастье, спасает от разных недугов, особенно помогает излечивать болезни почек – нефрит [16, с. 20–21].

Как показывают наши наблюдения, финно-угорский пласт в топонимии региона связывается с географической терминологией, характеризующей особенности горного рельефа, ландшафта, водной сети и т.д.

Кэлсер-Буран – деревня в Аургазинском районе РБ. Этнотопоним происходит от этнонима Кэлсер, который, по Дж. Г. Киекбаеву, восходит к финно-угорскому кал/кэл «рыба» + сы «рыбак» + аф. мн. числа р [1]. Действительно, в финно-угорских языках *kal* или *kol* означает «рыбу вообще»: финское *kala*, мордовское, марийское, мансийское *kol* и др. **Көрйә** – приток Аургазы в Аургазинском районе РБ и местность на северо-востоке РБ. Составители СТБ объясняют от башкирского диалектного гидронимического термина *күрейә* «залив» [7, с. 102]. Башкирское *көрйә*,

русское курья «залив» восходят к финно-угорским языкам: kurja «залив», «проток, маленькая речка», эстонская основа kuru «ущелье, узкий проход», финское kura «грязь, слякоть» и т.д.

Лапа – левый приток Тары в Белорецком р-не, Лапы – правый приток Светлого Ключа в Белокатайском р-не, *Лапылы үзәне* – ложбина в Гафурийском р-не, д. Толпар, *Лапы кырсыны* – урочище в Кугарчинском р-не, *Лапышты* – село в Белорецком р-не, от названия речки *Лапышты*, правый приток Большого Инзера. Авторы СТБ данные названия объясняют от диалектного *лапы* «валежник», «валежниковая» [7, с. 142]. На наш взгляд, вышеперечисленные географические названия связаны с башкирскими диалектными словами *лапы* «топкое, болотистое место», *лапсыу* «низина, низменность». В венгерском *lapos* «плоский» [14, с. 504]. В чувашском *лап, лапа, лапам* «ложбина, низина, низменность». Возможно, топооснова *лапа* финно-угорского происхождения: марийское *лап//лоп* «низина; низкий»; *лап сола* «деревня на низине», удмуртское, ненецкое *лоп*, коми *лапкыд*, в русских говорах Сибири *лапта* «ровное место в тундре, поросшее мхом или осокой». Происхождение данного географического термина А. Е. Аникин объясняет из ненецкого *лапта, лапта* «равнина, плоская низменность, низина; поле», хант. *лопта* «долина», коми *лапта* «гладкое место» [12, с. 362].

Топоформант «**ляй**» от мордовского «река» сохранился во многих географических названиях РБ: *Изляй* – озеро в Белорецком районе, *Уляй* – правый приток Сухайли в Мелеузовском, Федоровском районах. Как видно, «ляй» – означает не только реку, но и озеро. Таким образом, *Изляй, Уляй* – названия-гибриды, разные части которых образованы разноязычными словами. Субстрат «из» – от венгерского *iz* – «вкус», «ляй» – от мордовского «река». В названии *Уляй* «у» от марийского «новый» и «ляй» от мордовского «река».

Макар – названия деревень в Аургазинском, Ишимбайском р-нах.

В словаре топонимов РБ происхождение названий связывается с антропонимом Макар [7, с. 145]. В башкирском языке нет мужского имени Макар. На наш взгляд, в названии *Макар* находит отражение особенности горного природного ландшафта. Деревня *Макар* в Ишимбайском районе расположена на гористой, холмистой местности. Гора в Баймакском районе носит название *Макартау*, которое образовано от *Макар* и *тау* «гора». Названия с топоосновой *макар* не связаны с антропонимом Макар, а характеризуют особенности горного рельефа: *Макар буйы* – урочище в Миякинском р-не, д. Богдан; *Макар туғайы* – луг в Хайбуллинском р-не, д. Янтыш. Деревня Янтыш расположена на гористой, холмистой местности.

А само название *Макар* объяснимо на материале финно-угорских языков, где оно имеет значение «гора, бугор, холм»: марийск. *мыгыр* «шишка, горб; желвак», фин. *муккура, мукера* «выпуклый, холмистый», фин. *туһкуга* «шишка, желвак», эст. *tiigarik* «неровный, с ямами», карел. *тагиіг* «гора, холм», а в русских диалектах Сибири *магарок* «бугорок». А. Е. Аникин приводит тюркские факты типа сагайского и койбальского диалектов хакасского языка *pidur* «горб», предполагающие также тюрк. *тигур* то же, *мугурь* 'горбатый' [12, с. 364]. Действительно, имеются основания для сравнения с фактами тюркских языков, например, в чувашском языке *макар* имеет значения «шишка, желвак, бугор, холм, возвышенность». В тюркских языках *букри/мукри/бөкөрө/бюккюрю/бюкере/бюкер* в различных фонетических вариантах употребляется в значениях «горб» и «горбатый». Географический термин *мака* «большая широкая кочка», который восходит к селькупскому *така* «кочка, бугор», *такка* «бугор с лесом», А. Е. Аникин сравнивает с *магарок* «бугорок» [12, с. 368]. Ареалы с топоосновой *макар*, кроме РБ, распространены в Ямало-Ненецком автономном округе: горы *Макар-Из, Макар-Рузь*.

Миндеш – деревня в Салаватском районе, *Миндәк* – поселок в Учалинском районе, *Миндәк* – правый приток Урала, *Миндәк күле* – озеро и *Миндәк тауы* – гора в том же районе, *Мәндем* – поселок в Гафурийском районе и *Мәндем* – река в том же районе. В основе данных топонимов можно выделить топооснову *мәнд-*, которая восходит к финно-угорским языкам: эст. термин *mannik* «сосновый лес», «сосняк»; фин. *männikkä*, карельск. *mandti*, фин. *mantu* «сосна», эст. *mand*, коми мандач «болотная, мяндовая сосна», собир. «болотный сосняк».

В современных башкирских диалектах данное слово активно употребляется в значении «молодые заросли сосны или ели», например, *мандыш* в кизильском, миасском говорах восточного диалекта, *мәндәш* в караидельском говоре западного диалекта в значении «сосновая кора, начинающая загнивать» [18, с. 228, 241]. Топооснова *мәнд-* имеет широкий ареал распространения: Мяндозеро на Онежском п-ове; населенный пункт Мяндусельга в Карельской АССР; гора Мяндуха по л. берегу р. Онеги; Мяннику – местность близ Таллина и мн. др.

Көзәште – речка, правый приток Большого Нугуша в Ишимбайском районе. Возможно, образовано от финно-угорских основ: *көз* восходит к эстонскому *kuusk* «елка», финское *kuusi* «ель», карельское *kuuzi*, вепсское *kuz* «ель, еловый», а -әш – обладательный аффикс, соответствующий венгерскому, -те – башкирский аффикс наличия. Сравните: в кизильском говоре восточного диалекта *күшкәк*, *күшкә* – лубок березы. фин. *kaski* «ободранное дерево»; диал. «молодая береза».

Теркелетау – гора в Салаватском районе, Теркелек – урочище в Мечетлинском районе, Теркелегул – долина в Белокатайском районе. Авторы СТБ объясняют от диалектного слова *терке* «сосна», в западном и восточном диалектах башкирского языка (в гайнинском, караидельском, кизильском, среднеуральском, айском говорах) *терке* употребляется в значении «молодая сосна» и «елка» [7, с. 313]. А. А. Камалов топонимы с основой *терке* объясняет от мансийского *тарыг* «сосна» [13, с. 178].

Мышағыр – гора в Учалинском р-не, с. Ураз. Образовано от диалектного слова *мышағыр* «рябина, рябиновая». Ср.: *Мышарзыбил* – седловина в Абзелиловском р-не, д. Кусим. Происхождение названия связано с финно-угорскими языками, где хант. *pe'tar*, манс. *pičā.r*, *pāšar*, *pašar* «ягоды рябины».

Көйәзе – правый приток Большого Инзера в Белорецком р-не, поселок Инзер; правый приток Суханыша в Мелеузовском р-не. Көйәзебаш – левый приток Тора в Ишимбайском р-не, с. Верхотор, д. в Аургазинском р-не. Название ойконима происходит от гидронима *Көйәзе* и *баш* «исток, верховье». На севере-западе РБ *Куязы* – правый приток Белой в Дюртюлинском районе, там же *Куязыбаш* *инеше* в д. *Куязыбаш*; название происходит от названия местности *Куязыбаш* (*Куязы* – гидроним, *баш* «верховье, исток»). *Кудеда* – река и поселок в Пермском крае. На наш взгляд, гидронимы с топоосновой *көйәзе* восходят к финно-угорским языкам, где *kuoto* употребляется в значениях «тина, грязь, вязкий ил». Как пишет Р. А. Агеева, «М. Фасмер сопоставляет Кудо с фин. *Kuotojarvi*, где фин. *kuoto*, *kuodon* «тина, грязь, вязкий ил» [17, с. 218].

Мутайылға – левый приток Кутмеся в Аскинском р-не. Мутабаш – левый приток Таныпа в Аскинском р-не. Авторы СТБ происхождение связывают с антропонимом Мутай [7, с. 152]. Возможно, данное название финно-угорский субстрат в башкирской топонимии: в эстонском *tuda* – «ил». Сравните: Мута – река в Республике Алтай, Усть-Мута – село в Усть-Канском районе Республики Алтай, Мута-Кюль в Гатчинском районе Ленинградской области.

Өйә – приток Мандима в Гафурийском р-не. Вариант названия Өйә. Өйәзе – прав. пр. Демы в Бижбулякском р-не. Өйәзе тауы – г. в Миякнском р-не, с. Малые Каркалы. Өйәзән – правый

приток Уршака. Авторы СТБ происхождение названий с топоосновой *өйә* сравнивают с уя «долина, низменность» и с современным башкирским *үзән* в том же значении и объясняют от диалектного термина *өйәзән* «долина, низменность», «ложбина». Топооснова *өйә* находит параллели в финно-угорских языках: эстонское *oja* «ручей, речка», финское *oja* «канавка» и т.д. фин. *oja*, саам. *uoij*, *oj*, *vuoï*, *uai*, *vuai*.

Толва – река в Пермском крае, на берегу которой живут башкиры племени Гайна. М. Фасмер объясняет от финского *tulva* «разлив, наводнение» и сравнивает с финским *Tolvajoki* и *Tolvajarvi*. Р. А. Агеева гидронимы Толба, Толбица, Толва, Толъва, Толвица, Толбица, Толбунка, Толвуй, Толвоярви, Толвицы, имеющие ареал распространения в Карелии, Псковской и Калужской областях, связывает с прибалтийскими финскими языками [17, с. 225–226].

Һүрәм – гидроним в Кугарчинском районе. Оло Һүрәм, Кесе Һүрәм – реки в Зилаирском, Зианчуринском р-нах. В словаре топонимов Республики Башкортостан происхождение Һүрәм объясняется как «тихая», «медленная» [7, с. 219]. Название сравнивается с башкирским Һүрән в значении «неторопливый». На наш взгляд, Һүрән в башкирском языке в значении «неторопливый» совсем не употребляется, а только имеет значение «не жаркий», например, *Һүрән мунса* – не жаркая баня и т.п.

Река Сорум (хант. *согәм*, *согам жохан*) – правый приток Казыма в Сибири. Т. Н. Дмитриева пишет, что «река Сорум считается священной. Главным духом-охранителем Сорума, по представлениям ханты, является хозяин Нижнего мира – дух болезней Хинь аки, он же *согәм ікі* „сорумский мужчина“. Его священное место – устье реки Сорум» [19, с. 38–39].

Название реки Һүрәм созвучно с чуваш. *сорам* «злой дух». Образ *сорам* находит отражение и в чувашской топонимии, в частности, в названии реки Сорам. Чувашские географические названия *Сормовары*, *Сормопось*, *Сурам* связываются с *сорам*, *сорам киремече* – «злой дух, нечистая сила» [16, с. 25]. Со словом *сорам*//*Һүрәм*, не связано ли татарское диалектное слово *сүрәбәт* «леший, кикимора»? [20, с. 41].

Т. Н. Дмитриева пишет: «В середине XVIII в., по сведениям Г. Ф. Миллера, река *Sorum-jugan* была «заселена самоедами», но «в современной топонимии бассейна Сорума ненецких элементов нет; найти самодийский источник этимологии этого гидронима также пока не удалось» [19, с. 38]. На наш взгляд, название реки Сорам объяснимо именно на материале самодийской мифологии, где *сураба-нга* (*нга* – бог) – подземные божества «дьяволы льда» [21, с. 205].

Нәси – приток Юрюзани в Салаватском районе. Название образовано от географического термина *няси*//*нята*//*няша*. Сравните: *Няшевка* – речка в озере Миассово Челябинской области. *Няшевские Прудки* – река в Ильменском заповеднике в Челябинской области. *Няшевское Болото* – болото, находящиеся в Ильменском заповеднике в Челябинской области. Н. И. Шувалов данные названия объясняет от местного русского диалектного слова *няша* «тина, ил, грязь, топкое место» [22]. Действительно, в русских диалектах Сибири *нята* «топкое место», *няша* «тина, ил, жидкая грязь», «тина, водоросли», «топкое, заболоченное место», «вязкий илистый берег или дно реки, озера и др.», «слякоть, грязь» [12, с. 413]. Однако происхождение географического термина *наси*, *нята*, *няша*, распространенного в русских диалектах Сибири в значениях «илистый берег во время отлива», «ил, жидкая грязь, ил; плесень на стоячей воде, мокрое сено», М. Фасмер объясняет из саамского, норвежского *njaeSse*, *nieSse* «грязь, мусор» [23, с. 95]. Подтверждением этому является распространение данного названия в Коми. Так, например, происхождение коми-географических названий *Няшабџ*, *Няша* А. И. Туркин объясняет от *няша* «илистые отложения на лугах, няша». В некоторых коми-диалектах словом

няша называют заливные луга; бӧж «нижня часть чего-л.» Няша «заливной луг» или Няшабӧж «нижний конец заливного луга» [24].

Таким образом, в башкирской топонимии выделяются субстратные термины финно-угорского происхождения, участвующие в образовании топонимов. Финно-угорский субстрат составляют прежде всего географические термины, которые со временем становились именами собственными – перешли в топоним. Кроме того, многие из этих терминов сохранились в диалектах башкирского языка и в настоящее время активно употребляются в речи диалектоносителей. Башкирские этнонимы, объяснимые на материале финно-угорских языков и участвующие в образовании топонимов, свидетельствуют о том, что языковой субстрат тесно связан с этническими отношениями.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-04-00414.

Литература

1. Киекбаев Дж. Г. *Избранные статьи*. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 204 с.
2. Ишбулатов Н. Х. Лексические параллели в башкирском и финно-угорских языках // *Некоторые вопросы Урало-алтайского языкознания*. Уфа, 1970.
3. Камалов А. А. Урало-алтайская гидронимия на территории Башкирии // *Некоторые вопросы Урало-алтайского языкознания*. Уфа, 1970. С. 40–44.
4. Хисамитдинова Ф. Г. Угорская субстратная топонимия на –ш=/-с в Башкирии // *Проблемы древних угров на Южном Урале*. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 102–111.
5. Гарипов Т. М. Родные наши языки // *Живая память*. Уфа: Китап, 1997. С. 211–230.
6. Гарипов Т. М. *Этимологический словарь башкирского языка. Первый выпуск*. Уфа: изд-во БГПУ, 2007. 140 с.
7. *Словарь топонимов Республики Башкортостан*. Уфа: Китап, 2002. 256 с.
8. Кейекбаев Дж. Мадьяр – Орсак – венгр иле // *Совет Башкортостаны*. 1965. 17–19 июнь.
9. Габдрахманова З. Ф. Топонимия Северо-востока Башкортостана: автореф. дис. ... к. филол. наук. Уфа: Башк. ун-т, 1992. 18 с.
10. Усманова М. Г. *Имя отчей земли: Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар*. Уфа: Китап, 1994. 272 с.
11. Ишбулатов Н. Х. Башкирская топонимия в ее отношении к диалектам башкирского языка // *Ономастика Поволжья: Мат-лы III конференции по ономастике Поволжья*. Уфа, 1973. С. 313–316.
12. Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. М.: Наука, 2000. 768 с.
13. Камалов А. А. *Башкирская топонимия*. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
14. *Русско-венгерский словарь* / Сост. Л. Хадрови, Л. Гальди. Budapest: Akademiai Kiado, 1971.
15. Кошгарий М. *Туркий сузлар девони (Девону лугот-ит-турк)*. Тошкент, 1963. Т. 3.
16. Мурзаев Э. М. *Топонимика и география*. М.: Наука, 1995. 304 с.
17. Агеева Р. А. *Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации*. М.: Наука, 1989. 253 с.
18. *Башкорт теленең диалекттары һүзлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы. Өфө фәнни үзәгенең Тарих, тел һәм әдәбиәт институты)*. Өфө: Китап, 2002. 432 бит.
19. Дмитриева Т. Н. Запретная река Сорум (о некоторых топонимах бассейна реки Казым, связанных с духовной культурой ханты) // *Ономастика и диалектная лексика*. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 5. С. 38–43.
20. Ахметьянов Р. Г. *Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья*. М.: Наука, 1981. 144 с.
21. Хелимский Е. А. Нга // *Мифы народов мира*. М.: Советская Энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 205.
22. Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. URL: <http://toposural.ru/reki/rekin.html>.
23. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3: Муза-Сят*. М.: Астрель, 2009. 830 с.
24. Туркин А. И. *Топонимический словарь Коми АССР*. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1986. URL: http://enc-dic.com/toponyms_komi/Nshabozh-268.html.

Поступила в редакцию 29.09.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.5.10

Finno-Ugric substratum in the Bashkir toponymy

© G. Bukharova

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
3a Oktyabrskoi Revolyutsii Street, 450000 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: buharova_g@mail.ru

According to the established opinion, the names of Indo-Iranian origin form the most ancient layer in the Bashkir toponymy, followed by the names of Finno-Ugric origin. The author of the article studies the Finno-Ugric substratum in the Bashkir toponymy. By revealing lexical parallels in the Bashkir and Finno-Ugric languages, an attempt is made to explain geographical names that cannot be explained on the basis of the Bashkir and other Turkic languages. As it shown in the analysis, substrate origin of geographic terms play an important role in the formation of the toponymic system of the region, they actively participate in the formation of toponyms. It is interesting to note that the Finno-Ugric geographic terms involved in the formation of toponyms are found in the dialects of the Bashkir language and are now actively used in the speech of dialect speakers. In the Bashkir toponymy, the archaic vocabulary rooted in the depth of centuries and confirming the ancient ethnic ties of the Bashkirs with the Finno-Ugric peoples was preserved. The origin of some Bashkir ethnonyms involved in the formation of toponyms is explained on the example of the Finno-Ugric languages. This indicates that the substrate is not only a linguistic, but also an ethnic phenomenon. Geographical names that go back to the Finno-Ugric languages primarily characterize vegetation (for example, names of mountain ash, spruce, pine, etc.), as well as features of the water network (names of lowlands, marshes), and mountainous terrain of Bashkortostan (names of mountains and hills). In the Bashkir toponymy, geographical names associated with the beliefs of Finno-Ugrians were also recorded. It is the first study explaining the origin of the considered toponyms on the basis of the vocabulary of the Finno-Ugric languages.

Keywords: toponymy, Bashkir toponymy, Finno-Ugric substratum, etymology, ethnolinguistic reconstruction.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Bukharova G. Finno-Ugric substratum in the Bashkir toponymy // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 5. Pp. 444–452.

References

1. Kiekbaev Dzh. G. *Izbrannye stat'i [Selected articles]*. Ufa: RIO BashGU, 2002.
2. Ishbulatov N. Kh. *Nekotorye voprosy Uralo-altaiskogo yazykoznaniya*. Ufa, 1970.
3. Kamalov A. A. *Nekotorye voprosy Uralo-altaiskogo yazykoznaniya*. Ufa, 1970. Pp. 40–44.
4. Khisamitdinova F. G. *Problemy drevnikh ugrov na Yuzhnom Urale*. Ufa: BNTs UrO AN SSSR, 1988. Pp. 102–111.
5. Garipov T. M. *Zhivaya pamyat'*. Ufa: Kitap, 1997. Pp. 211–230.
6. Garipov T. M. *Etimologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka. Pervyi vypusk [Etymological dictionary of the Bashkir language. First issue]*. Ufa: izd-vo BGPU, 2007.
7. *Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan [Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan]*. Ufa: Kitap, 2002.
8. Keiekbaev Dzh. Mad'yar – Orsar – vengr ile. *Sovet Bashkortostany*. 1965. 17–19 iyun'.
9. Gabdrakhmanova Z. F. Toponimiya Severo-vostoka Bashkortostana: avtoref. dis. ... k. filol. nauk. Ufa: Bashk. un-t, 1992.
10. Usmanova M. G. *Imya otchei zemli: Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie toponimii basseina reki Sakmar [The name of the fatherland: Historical-linguistic study of the place names of the basin of the Sakmar river]*. Ufa: Kitap, 1994.

11. Ishbulatov N. X. *Onomastika Povolzh'ya: Mat-ly III konferentsii po onomastike Povolzh'ya*. Ufa, **1973**. Pp. 313–316.
12. Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov [Etymological dictionary of Russian Siberian dialects: Borrowings from Ural, Altaic and paleo-Asian languages]*. Moscow: Nauka, **2000**.
13. Kamalov A. A. *Bashkirskaia toponimiya [Bashkir toponymy]*. Ufa: Kitap, **1994**.
14. *Russko-vengerskii slovar' [Russian-Hungarian dictionary]*. Comp. L. Khadrovi, L. Gal'di. Budapest: Akademiai Kiadu, **1971**.
15. Koshgarii M. *Turkii suzlar devoni (Devonu lugot-it-turk)*. Toshkent, **1963**. Vol. 3.
16. Murzaev E. M. *Toponimika i geografiya [Toponymy and geography]*. Moscow: Nauka, **1995**.
17. Ageeva R. A. *Gidronimiya Russkogo Severo-Zapada kak istochnik kul'turno-istoricheskoi informatsii [Hydronymy of the Russian North-West as a source of cultural and historical information]*. Moscow: Nauka, **1989**.
18. *Bashkort teleneñ dialektary hıǵleǵe (Räsäi Fändär akademiyañ. Өfö fänni ıǵägeneñ Tarikh, tel häm äǵäbiät instituty)*. Өfö: Kitap, **2002**. 432 bit.
19. Dmitrieva T. N. *Onomastika i dialektnaya leksika*. Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta, **2004**. No. 5. Pp. 38–43.
20. Akhmet'yanov R. G. *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya [General vocabulary of spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region]*. Moscow: Nauka, **1981**.
21. Khelimskii E. A. *Nga. Mify narodov mira*. Moscow: Sovet-skaya Entsiklopediya, **1992**. Vol. 2. Pp. 205.
22. Shuvalov N. I. *Ot Parizha do Berlina po karte Chelyabinskoi oblasti*. URL: <http://toposural.ru/reki/rekin.html>.
23. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. Vol. 3: Muza-Syat*. Moscow: Astrel', **2009**.
24. Turkin A. I. *Toponimicheskii slovar' Komi ASSR*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, **1986**. URL: http://enc-dic.com/toponyms_komi/Nshabozh-268.html.

Received 29.09.2017.